

Konstytucja, którą bronił, opiewał i przyzywał Benjamin Disraeli, była nie tylko pewnym możliwym rozwiązaniem ustrojowym, ale też projekcją tęsknoty konserwatysty za „złotym wiekiem”. Jest to wizja ze wszech miar organicystyczna. Co charakterystyczne, Disraeli nie odwoływał się bezpośrednio do uniwersalnych praw Bożych, czy naturalnych, ale za naczelną probierz poprawności instytucji uznawał ich praktyczne funkcjonowanie. Empiryczny rys myśli politycznej torysa był podstawą jego oporu wobec postępów nowoczesności, nie stanowił jednak zaporę nie do przebycia. Disraeli nie wątpił, że elementy i mechanizmy działania społeczeństwa są ostatecznie dziełem ludzkim. Choć nie są produktem żadnego projektu racjonalnego, zmieniają się jednak wraz z uczestnikami wspólnoty politycznej. Specyficzny „demokratyzm” torysa w połączeniu z filozoficzną akceptacją ewolucji świata społecznego zaowocował przebudową partii konserwatywnej i otwarciem się jej na nowe kwestie społeczne. Premier Disraeli okazał się reformatorem, który przeforsował pakiet ustaw chroniących robotników, oraz faktycznie zdemokratyzował system wyborczy Wielkiej Brytanii. Czynił to – oczywiście – w imię zachowania konstytucji.

Literatura

1. Geoffrey Butler, *The Tory tradition*. Bolingbroke, Burke, Disraeli, Salisbury, [wyd.] John Murray. – Londyn, 1914.
2. Benjamin Disraeli, *Vindication of the English Constitution in a Letter to a Noble and Learned Lord*, [wyd.] Saunders and Otley. – Londyn, 1835.
3. Richard Faber, *Beaconsfield and Bolingbroke*, [wyd.] Faber and Faber. – Londyn, 1961.
4. Stephen Graubard, *Burke, Disraeli and Churchill. The Politics of Persistence*, Cambridge. – Mass, 1961.
5. Krzysztof Pielniński, *Konserwatyzm imaginacyjny Benjamina Disraeliego*, [w:] *Studia politologiczne vol. 13*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego. – Warszawa, 2009.
6. Bogdan Szlachta, *Konserwatyzm. Z dziejów tradycji myślenia o polityce*, Wydawnictwo Dante Ararat. – Kraków-Warszawa, 1998.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СУЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

С.О. Мазур

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Глобализация является одним из самых сложных и противоречивых феноменов XXI века, так как затрагивает разные стороны общественного бытия. Это многогранная и многоплановая проблема, поэтому изучение феномена глобализации требует комплексного подхода. В большинстве исследований, посвященных процессам формирования глобальной мировой системы, отмечается, что глобализация представляет собой закономерный этап исторической эволюции человечества, способствующий формированию постиндустриальной цивилизации с принципиально новым набором ценностей и социокультурных приоритетов. Большинство современных исследователей полагают, что глобализация является спонтанным процессом, который обусловлен, прежде всего, экономическим, технологическим и социальным прогрессом последних десятилетий. При этом отмечают обычно быст-

рый рост международной торговли, масштаб инвестиционных потоков, формирование всемирного информационного пространства и, как следствие, – все большую открытость отдельных экономик. В то же время большое внимание уделяется становлению глобальных институтов и практик, которые способствуют укреплению единства мирового сообщества. Многие исследователи феномена глобализации считают, что она обусловлена «свободным движением капиталов и возрастающей зависимостью национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций» [4, с. 58-59]. Другие исследователи утверждают, что глобализация представляет собой «процесс, в ходе которого стираются географические границы социальных и культурных систем» [4, с. 58-59]. В некоторых работах по глобализации даются новые определения формирующейся глобальной цивилизации, таких, например, как «сетевое общество», или утверждается то, что современный мир управляется глобальными институтами. Исследователь Петко Ганчев пишет о том, что «самым коротким и полным определением глобализации является то, что она представляет собой многофакторный синергетический процесс по созданию глобальных экономических, финансовых, коммуникационных и информационных сетей, которые пронизывают все пространство Земли и интегрируют цивилизацию в единую целостную систему» [2, с. 160-165]. Степин В.С., анализируя процессы глобализации, указывает следующее: «Вступив в фазу постиндустриального развития, техногенная цивилизация начала новый цикл экспансии в различные регионы планеты. Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. Наука, образование, технологический прогресс и расширяющийся рынок порождают новый образ мышления и жизни, преобразуя традиционные культуры. И то, что мы называем сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизационных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации [6, с. 16-26].

Но как бы не именовали в современной литературе глобальный социум («глобальное общество», «единое стратегическое сообщество», «глобальное информационное общество», «глобальная инфосфера», «информационно-экологическое общество» и т.п.), контуры нового общественного устройства лишь прорисовываются и модели будущего единого социума во многом спорны и противоречивы.

Анализируя научную литературу о глобализации 90-х годов XX века, А.Д. Богатуров отмечает, что под термином «глобализация» отражались в различных сочетаниях по меньшей мере восемь основных тенденций и явлений: 1) объективное усиление проницаемости межгосударственных перегородок (феномены “экономического гражданства” и “преодоления границ”); 2) резкое возрастание объемов и интенсивности трансгосударственных, транснациональных потоков капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов; 3) массивное распространение западных стандартов потребления, быта, мировосприятия на все другие части планеты; 4) усиление роли вне-, над-, транс- и просто негосударственных регуляторов мировой экономики и международных отношений; 5) форсированный экспорт и «вживление» в политическую ткань разных стран мира тех или других вариаций модели демократического государственного устройства; 6) формирование виртуального пространства электронно-коммуникационного общения, резко усиливающе-

го возможность для социализации личности, то есть для непосредственного приобщения индивида, где бы он ни находился, к общемировым информационным процессам; 7) возникновение и культивирование в сфере глобальных информационных сетей образа ответственности всех и каждого индивида за чужие судьбы, проблемы, конфликты, состояние окружающей среды, политические и иные события в любых, возможно, даже неизвестных человеку уголках мира; 8) возникновение «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных постулатов, призванных обосновать одновременно благо и неизбежность тенденций, «работающих» на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым, так или иначе, подразумевались США и их союзники [1, с. 32].

В настоящее время стало очевидным, что глобализация – гораздо более многосторонний процесс, не сводимый к чисто экономическим или каким-либо другим конкретным составляющим. Так, информационный обмен в планетарной сети Интернет в целом ряде случаев сам по себе ценен и значим, ибо, в итоге деятельности этой «всемирной паутины» стали возникать своеобразные «глобальные клубы по интересам», нередко весьма влиятельные и в политической сфере. Процесс глобализации начала XXI века неверно понимать как преимущественно только экономическое взаимодействие национальных сообществ, ибо в нем отчетливо проявляются, а в некоторых отношениях доминируют политические и иные аспекты. Важнейшим фактором глобализации являются новые технологии, которые усиливают процесс все большей открытости межгосударственных границ. Использование новых технологий фактически определяет международный статус любой страны, в первую очередь, интегрирована ли она в мировое сообщество либо, напротив, находится в изоляции. Глобализация меняет смысл самого понятия территории, поскольку образуются даже виртуальные государства. Подобные явления позволяют считать развитие новых технологий пусковым механизмом современных глобализационных процессов, а сам феномен глобализации – объективным показателем универсализации постиндустриально-информационного общества. Речь идет о глобализации как процессе формирования глобального человеческого сообщества, о возникновении нового качества всеобщности человеческого бытия.

Наряду с феноменом глобализации внимание исследователей в последнее время все чаще сосредоточивается на таком явлении, как глобализм. «В то время как «глобализация» в большей части характеризует объективные изменения в современном мире, которые частично происходят вне нас, «глобализм» характеризует изменения, происходящие в субъективной сфере» [3, с. 260]. В процессе практического освоения глобализирующегося мира общество отражает его в своем сознании, формирует комплекс идей и эмоций, которые называют глобализмом. Сегодня глобализм как форма общественного сознания, отражающая объективный процесс глобализации, показывает: стремление людей к коллективному стилю мышления, тенденцию идентификации с мировой цивилизацией, всем человечеством, окончание изолированного развития, рост мультикультурного сознания, усиление роли и значения осознающих свои интересы социальных акторов. Эмпирическая информация последних десятилетий показывает, что на планете идет процесс становления единого глобального общества. В этом новом обществе складываются и находятся в состоянии развития новые социальные отношения, характер которых в многообразии форм и конфигураций отличается от структур традиционных, индустриальных, постин-

дустриальных обществ, но которые детерминируются этими обществами и воспроизводят в линейных и нелинейных зависимостях качества протообществ. А постепенное осознание и разработка глобальной проблематики с помощью научных методов ведет к формированию новой области знаний, которая возникает на стыке нескольких наук и которую все чаще называют глобалистикой [5].

На основе существующих разработок и прогнозов ряд авторов анализируют соотношение глобализации и вестернизации. Вестернизация предусматривает ассимиляцию евроатлантической цивилизацией остающихся не модернизированными территорий. Становление глобальной цивилизации связано с унификацией культуры и доминированием либеральных ценностей; с глобальными финансово-экономическими институтами типа МВФ, ВТО, ВБ и т.д., призванными регулировать отношения между корпоративными игроками, среди которых находятся и национальные государства, и межгосударственные образования, и иные региональные союзы. Фундаментом глобализма выступает концепция «конца истории» как показателя всемирной победы либеральных идей. Концептуальное оформление этот сценарий получил в виде доктрины, известной под названием Вашингтонского консенсуса 1992 года. В середине 90-х годов XX века этот документ был скорректирован и получил название Поствашигтонского консенсуса, представляя собой определенную модификацию неолиберальной социально-экономической и политической платформы.

Ф. Фукуяма рассматривает глобализацию как «конец истории» – окончательную победу в распространении на весь мир западных ценностей (рыночной экономики, плюралистической демократии, индивидуальных прав и свобод человека). В.Л. Иноземцев в своей статье «Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация» отмечает: то, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как вестернизация. В качестве воплощения вестернизации рассматривается процесс распространения западных общественных практик, хозяйственных и политических форм на остальной мир.

В настоящее время актуальным также является процесс американизации или «макдонализации». Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведении до абсурда рациональных элементов культуры), приоритете количественных характеристик (коммерциализация), готовности к употреблению (оперантность), полностью гарантированном качестве на определенном уровне, «упакованности» образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен). При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает антиподом старой рациональности, связанной с традиционной культурой.

Исследователь В.Б. Кувалдин отмечает, что поляризирующий эффект современной глобализации во многом обусловлен неолиберальной политикой западного мира. Сделав ставку на беспрепятственную экспансию капитала, неолиберализм акцентировал стратегическое преимущество Запада в борьбе различных глобализационных проектов. Для других регионов это часто означает прозябание на вторых ролях.

И. Валлерстайн на основе собственной мир-системной теории сформулировал три основных сценария развития глобализационных процессов в мире: 1) наступление неофеодализма, то есть формирование автаркичных регионов с местными

иерархиями, поддержание достаточно высокого уровня технологий для элиты; 2) появление "демократической диктатуры" вследствие разделения мира на две "касты": 20% богатых с более или менее справедливым распределением благ держат под жестким контролем остальную часть человечества (Валлерстайн считает этот вариант развития глобализации менее вероятным, чем первый, так как сомневается, что среди демократов могут найтись диктаторы); 3) формирование "децентрализованного и справедливого мира", появление которого связывается с децентрализованными механизмами перераспределения накопленных богатств, что потребует реального сокращения потребления (автор характеризует этот вариант как наиболее утопичный, потому что он, по существу, требует перехода от капиталистической мир-системы к социалистической).

Р. Робертс представляет потенциальные последствия глобализации в виде четырех возможных сценариев: 1) первый сценарий предполагает формирование «всемирной деревни», где каждый житель с помощью новейших средств массовой коммуникации может стать очевидцем событий мировой важности или происшествий в дальних странах и где существует общепланетарный консенсус в вопросах, касающихся основополагающих ценностей и идей; 2) второй сценарий – мондиалистский, предполагающий унификацию национальных государств под эгидой некоего «мирового правительства»; 3) согласно третьему сценарию, в недалеком будущем мир станет представлять собой мозаику взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена; 4) по четвертому сценарию мир может превратиться в мозаику закрытых ограниченных сообществ, равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности, или иерархических с одним ведущим сообществом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многообразие исследовательских подходов к исследованию феномена глобализации подтверждает актуальный характер данного процесса. Поэтому несомненным является тот факт, что глобализация – это такое явление современной жизни, которое существенным образом меняет реалии всех общественных процессов, и потому требует глубоких, комплексных исследований, осуществляемых на пути синтеза различных парадигм.

Литература

1. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике / А.Д. Богатуров // Pro et Contra. –1999. – № 4. – С. 32.
2. Ганчев П. / Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии / П. Ганчев // Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 160-165.
3. Извеков Н. Наступит ли в XXI веке конец великой промышленной эпохи? / Н. Извеков // Безопасность Евразии. – 2001. – № 4. – С.260.
4. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58-69.
5. Корецкий В.А. Глобализация: вопросы теории и методологии / В.А. Корецкий. – М.: Издательство Московского университета, 2007. – 188 с.
6. Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16-26.